

Книги Сергея Малицкого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**КОМПРЕССИЯ
ВАКАНСИЯ**

Цикл
«АРБАН САЕШ»

**МИССИЯ ДЛЯ ЧУЖЕЗЕМЦА
ОТСЧЕТ ТЕНЕЙ
КАМЕШЕК В ЖЕРНОВАХ**

Цикл
«КОДЕКС ПРЕДСМЕРТИЯ»

**МУРАВЬИНЫЙ МЕД
ОПРАВА ДЛЯ БЕЗДНЫ
ПЕЧАТЬ ЛЬДА
ЗАБАВНИК**

Дилогия
«НИЧЕГО ЛИЧНОГО»

**КАРАНТИН
БЛОКАДА**

Цикл
«ПЕПЕЛ БОГОВ»

**ПАГУБА
ЮДОЛЬ
ТРЕБА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

ТРЕБА

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 805

Художник
В. Бондарь

Малицкий С. В.
М19 Треба: Фантастический роман.— М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 408 с.: ил. — (Фантастический
боевик).

ISBN 978-5-9922-1330-0

О нем многие забыли, но воин, по вине которого случилась Пагу-
ба, затопившая Салпу болью и смертью, воин, благодаря которому Па-
губа отступила, все еще жив. Он продолжает путь, который может как
уничтожить мир под раскаленным небом, так и спасти его.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1330-0

© Малицкий С. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Весна в горах — та же, что и на равнине. Не только ущелья окутываются туманами, и склоны гор покрываются зеленым налетом чуть ли не под самые ледники, но и ветер становится влажным и теплым, а под крышей уютного трактирчика на восемь столов вдруг обнаруживается какая-нибудь ошалевшая от счастья пичуга, которая разливается трелями, словно добиралась к родному гнезду с края света.

Милая, еще далеко не старая женщина стояла за стойкой, шевелила лопаткой в печи лепешки по-лапаньски, поглядывала на рвущую горло птицу, бросала взгляд в зал, свет в который падал из четырех больших окон, и улыбалась. Прошедшая зима оказалась не слишком суровой, монеты, соответственно количеству прикормленных завсегдатаев, водились, муж не огорчал, а скорее радовал, да и дети росли на загляденье — крепкие, шустрые, сообразительные, а что еще нужно матери для счастья? Тем более что и в эту минуту все трое были рядом: младшая дочь, прикусив от старания язык, месила начинку для лепешек, средняя раскатывала тесто, а старший сын только что принес охапку дров для печи и ухватился за ручки ведер, чтобы наносить еще и воды из колодца.

— Обожди с водой, — продолжая улыбаться, но пряча в глазах беспокойство, бросила негромко мать. — Две кадушки полны. Сбегай-ка к отцу да подмени его. Скажи, срочно нужен в трактире. Гость у нас.

— Кто? — прошептал черноволосый парень, не поворачивая головы в сторону зала.

— Кто-то, — ответила мать. — Иди через двор. Отец пусть заходит с улицы да бирку повернет. Как раз утренние посетители разойдутся.

Парень кивнул, громыхнул ведрами и вышел на задний

двор, а уже оттуда выскочил в узкий проулок, в котором еще лежал в тени лед, перемахнул через низкую каменную ограду, вылетел на площадь перед крепостными воротами, где шумело торжище, и, лавируя между рядами, палатками, тентами и коробейниками, подбежал к самым воротам крепости.

— Отец! — окликнул он кудрявого, с легкой проседью, улыбчивого торговца, который продавал горячие намешские пирожки.

— Что за оказия? — поинтересовался тот, не стирая с лица улыбку, хотя его глаза наполнились тревогой.

— Мать зовет, срочно, — понизил голос парень. — Велела подменить тебя да сказать, что ты нужен в трактире. Заходи с улыцы, не забудь повернуть бирку. Гость у нас.

— Кто? — тут же начал снимать с плеча корзину торговец.

— Не знаю, — ответил парень. — Я не разглядывал.

— Менять меня не нужно, — сунул сыну в руки корзину торговец. — Ешь. Один пирог остался. Неси корзину в трактир, но через двор. Потом тихо, тайком, подай матери за стойкой лук и десяток стрел. Лук держи над стрелами. Понял?

— Понял, — пробубнил парень с набитым ртом.

— Так не медли, — похлопал его по плечу торговец. — И пригляди, нет ли подозрительных зевак возле трактира.

В первые весенние дни, едва в городке при крепости Гима — обители вольных мудрецов, или, как о том любили позлословить где-нибудь в богатых домах Хилана, убежище сумасшедших изгоев со всей Салпы, — с мостовых сходил лед, колокол в надвратной башне давал сигнал к началу окраинного торжища. Вся площадь, которая и в обычные дни даже зимой не оставалась без торговцев, купеческий люд заполнял в сотню раз плотнее обычного. Поднимались шатры и палатки, тянулись тенты, ставились в ряд крытые и открытые повозки, сколачивались да расставлялись столы и прилавки. Весь не слишком большой городок разом превращался в ярмарку, которая, конечно, не могла спорить размерами со знаменитой водяной ярмаркой Хилана, но для изрядного количества обитателей Салпы была главным тор-

жищем на целый год. Вольные хлебопашцы именно здесь могли взять лучшую цену за зерно, кожу, гончарные и ткацкие изделия. Мугаи именно сюда тайными тропами да с немалыми ухищрениями провозили олово и драгоценные камни. Лапани именно здесь и больше нигде делились с прочими обитателями Салпы верблюжьим молоком и сыром, войлоком и, что влекло на гимскую ярмарку прощелыг со всего Текана, — золотым песком. Даже торговцы из-за Хапы, несмотря на недовольство вновь избранного правителя всего Текана — молодого иши, — умудрялись добираться до вожделенного торжища. Немногочисленные после пережитой Пагубы гиенцы хвастались лошадьми и овчиной, еще более немногочисленные, заново отстраивающие свой город кетцы — орехом и шерстью, хиланцы — стальными и бронзовыми штукovinaми, редкие гости — туварсинцы — шелком, и прочая, и прочая, и прочая. Только тати, в отличие от допагубных лет, на ярмарке почти не показывались. Нет, упрямые малла перекачивали со своих крохотных повозок к торговым местам бочонки с медом, а вот лами и кусатара старались до времени не появляться на Гимском перевале, искали для себя других торжищ и других перевалов. Впрочем, как говорили старцы в самой крепости, путь им на ярмарку был не заказан, и рано или поздно они должны были на нее вернуться, тем более что стражники Гимы порядок на площади и во всем городе поддерживали неукоснительно.

Пробираясь между многочисленными торговцами, их товаром и еще более многочисленными покупателями, недавний пирожник улыбался незнакомым ему людям, при этом незаметно поправляя ножи на поясе. Так, с улыбкой на лице, он и добрался до дверей собственного трактира, который стоял не на площади, а на соседней улочке, что не мешало ему благодаря добрым отзывам довольных караванщиков славиться на все окрестные земли не слишком высокой ценой и изрядным качеством еды.

Подойдя к трактиру, торговец перевернул бирку, на которой были написаны два слова — одновременно и по-хилански и по-лапаньски, той стороной, что извещала — трактир закрыт, заметил скучающую у коновязи невысокую, но выносливую лошадку и вошел внутрь. Хозяйка стояла за

стойкой, девчонки возились рядом, в зале оставался один человек. Торговец подмигнул хозяйке, шумно поздоровался, словно за столами сидели не меньше десятка его друзей, сел через стол напротив незнакомца и столь же шумно потребовал себе кубок вина и кусок пирога.

Незнакомец оказался незнакомкой. Просто одетая женщина лет двадцати — двадцати пяти ела поданное ей кушанье, а именно все тот же пирог с мясом и овощами, окуная его время от времени в миску с соусом, да запивала все это великолепие слабым вином, разбавляя его водой. Лицо и волосы ее скрывал капюшон зеленовато-серого шерстяного бурнуса, но выглядывающие из-под него завитки черных волос, строгая линия носа, подбородка, цвет кожи и временами посверкивающий необычный, темно-синий взгляд позволяли предположить, что незнакомка довольно привлекательна, а может быть, даже и очень красива. Рядом с нею на столе лежал мешок, в котором, судя по очертаниям, могла быть укрыта как небольшая прялка, так и самострел с наложенной на него стрелой. Торговец скосил взгляд под стол и разглядел прислоненный к лавке посох. Простенький, с удобной, оплетенной кожей рукоятью, но уж больно громоздкий сам по себе.

— Брось, Харк, — проговорила женщина низким приятным голосом, отпив очередной глоток разведенного вина. — Не хотела показываться, но уж больно ты резок, а жenuшка твоя глазаста. Оставь в покое ножи на поясе и в рукавах. Не устраивай представление. Ведь ты не для этого перевернул бирку у входа и задвинул щеколду изнутри? Ты же хозяин трактира? Оставь пироги и вино посетителям. Тебе же гораздо милее домашняя похлебка, печеная курочка и салатик из ранней редиски. Разве не так?

Торговец едва не поперхнулся вином из кубка, который он уже поднес ко рту, а стоявшая у печи женщина выронила лопатку на угли.

— Не волнуйся, Хасми, — продолжила незнакомка. — Твоего кудрявого муженька я вижу впервые. Просто есть некоторые хитрости, которые позволяют определять... пристрастия собеседников. Ты можешь не беспокоиться. У тебя

замечательный и верный муж, если он и может изменить тебе, то только с миской все той же похлебки. Да и то сердце его останется с тобою.

— Кто ты? — только и смогла вымолвить Хасми, сбивая огонь с лопатки. — Что тебе нужно?

— Ну, уж стрела в живот мне без надобности, — улыбнулась незнакомка, отодвигая блюдо и смахивая с пальцев крошки платком. — Поэтому не трогай лук да отправь куда-нибудь дочек и сына, который спрятался под стойкой. Раз уж между нами завязался разговор, будет лучше, если они не услышат лишнего.

Хасми прошипела что-то негромко, дождалась, когда шлепанье босых ног по дощатому полу затихнет, выложила на стол лук, стрелы, несколько ножей, что могли служить и для кухни и для боя, и приготовилась слушать.

— Мое имя вам ничего не скажет, — не торопясь, начала незнакомка. — И знать вам про меня ничего не нужно, кроме того, что я ищу человека, которому я обязана и который в небольшой степени обязан и мне.

— О ком идет речь? — неуверенно вернул улыбку на лицо Харк.

— О некоем Кире Харти, а так же Луке, Луккае, Кае-Весельчаке и зеленоглазом охотнике, — проговорила незнакомка. — В песках он иногда появлялся под кличкой Меченый, из-за пятна на спине. Пока что я знаю только об этих его именах.

— А почему мы должны знать о нем? — удивилась Хасми.

— Действительно, — рассмеялась незнакомка, — с чего это вы должны знать о человеке, чью внешность помните так же хорошо, как и свою собственную? Кстати, ваши дети не слишком болтливы? Я не подвела вас, назвав настоящими именами?

— Не подвела, — успокоил незнакомку Харк. — Они знают наши настоящие имена. И они нисколько не болтливы.

— Достоинно восхищения, — стала серьезной незнакомка. — Нет большей гордости, чем гордость за собственных детей. Надеюсь, и у меня когда-нибудь будут дети.

Она словно задумалась на мгновение.

— Но вернемся к главному. Вы знаете об этом человеке,

хотя никому и ничего не должны. Я не буду пересказывать, как каждый из вас познакомился с Киrom Харти. Могу ведь и упустить что-то, да и даже мне подобные воспоминания показались бы тяжелыми. Лучше я расскажу, как нашла вас. Чтобы вы не слишком уж волновались.

— Мы вовсе не волнуемся, — оглянулся на Хасми Харк. — Пагуба закончилась более десяти лет назад, чего нам волноваться? Даже если бы мы что-то знали об этом человеке? Здесь правят старцы, а с ними у нас хорошие отношения. И Текан все еще слишком слаб, чтобы воевать с Вольными землями. Только-только очистил леса от последних пустотных тварей. Кроме того, никогда войска иши не добирались до Гимы. Да и счета с тати у Текана таковы, что о нас иша может и вовсе не вспомнить. Хилану не до нас.

— Тати это касается тоже, — подала голос Хасми. — Им тоже не до нас. Если даже тати не строят планов уничтожения Хилана, то уж, во всяком случае, опасаются мести с его стороны.

— Тем не менее, — проговорила незнакомка, — за последние годы я объездила весь Текан, выбиралась даже за его пределы. Я была в Хастерзе, где о зеленоглазом знает всякий, но легенды, которыми окружено его имя, таковы, что до истины докопаться сложно. Если он и бывал там недавно, то под чужим именем, потому остался неузнанным. Я была в Гиене, в которой теперь жителей немногим больше, чем в Гиме в зимнее время, да и то половина из них одолженные ураем Хилана гвардейцы. Я была в Харкисе, который, как и Арай, восстанавливается по волеизъявлению молодого иши в десятке лиг от старого места. В Кете, которой до подлинного восстановления еще десятки лет. Но ткацкие станки на Высоте уже стучат. Была в Туварсе, в Аке, в Ламене, в Хурнае, в Зене, в Хилане, в Намеши. Я даже добралась до развалин в том самом месте, где некогда стояла крепость Сакхар и обитал ныне исчезнувший клан Смерти. И везде, где бы я ни встречала живых людей, я собирала любые сведения о зеленоглазом охотнике, хотя и нигде не могла его застать. Но я знаю о нем многое. А прошлым летом в Хилане я наткнулась на седого обрюзгшего старика, который сидел босым в садике у собственного дома, радовался еще нестарой жене и ни-

кого не боялся, потому что был готов отправиться на встречу с Пустотой в любой миг. Его звали Эпп. Ничего не говорит это имя? Вы ведь сталкивались с ним в Хурнае? Недолго, но сталкивались?

И Харк и Хасми промолчали.

— Дело не в вас, конечно, — заскучала незнакомка. — Я, как вы уже поняли, имею некоторые способности. Скажем так, я угадываю то, о чем думают люди рядом со мной. Не всегда ясно, но, если я смотрю им в глаза, лишь немногие могут утаить от меня свои мысли.

Она скинула капюшон и уставилась в глаза Харку.

— Закрой глаза! — прошипела за стойкой Хасми.

— Поздно, — промолвила женщина, которая и в самом деле оказалась красавицей. — Я уже все знаю. Ну, или то, что мне нужно. Теперь, собственно, можно и уходить. Но вам нечего беспокоиться. Я друг Кира Харти.

— Друг? — недоверчиво протянул Харк и нервно глотнул вина.

— Друг, — кивнула незнакомка. — Правда, не уверена: друг ли он мне? Может быть, он вовсе не захочет знаясь со мной? Но я должна... попытаться.

— Как ты нашла нас? — спросила Хасми. — Я так и не поняла...

— Легко, — кивнула незнакомка, вновь опуская на лицо капюшон. — Едва я назвала Эппу имя Кира Харти, как он тут же вспомнил ваши имена. В сердце этого старого хиланского воина таится много боли, и она всплывает, стоит лишь слегка потревожить его память. Корни этой боли, несомненно, и в окровавленном Харкисе, и в том, в чем Эпп не участвовал, но о чем он прекрасно осведомлен. Я имею в виду историю семейства Куранта, а именно его троих приемных детей — Хараса, Неги и самого зеленоглазого, а также Лалы, дочери кузнеца Палтанаса, изготовившего меч для Кира Харти. Нет, Эпп не называл этих имен. Он только о них вспомнил. Мне этого было достаточно. Вслух он не сказал мне ни слова.

— Ты опасный человек, — процедила сквозь зубы Хасми.

— Да, но не для добрых людей, — медленно проговорила незнакомка. — Это... как легкое усилие. Если я его не делаю,

я ничем не отличаюсь от кого бы то ни было. Я — обычный человек.

— Хочется верить, — осторожно заметил Харк.

— Эпп не знал, где нас искать, — добавила Хасми.

— Верно, — кивнула незнакомка. — Но Харас навевался к Эппу. Под чужим именем, но навевался. Справлялся о возможности Лале вернуться в Хилан, востребовать кусок земли за городской стеной, где некогда стоял дом ее отца. Эпп не смог ему помочь, но не забыл об этом случае. Дальше было уже не так сложно. Я нашла лодочника, который перевозил Хараса через Хапу. Нашла струг, на котором рыжебородый спустился к устью Блестянки. А вскоре отыскала и дом за болотами на окраине Дикого леса, где Харас, Лала и их четверо детей вполне счастливы.

— Уже четверо? — удивился Харк.

— Они живут обособленно, — пожалала плечами незнакомка. — Держат кузню и маленькую пекарню, коптят рыбу. Обслуживают лесорубов и сборщиков ягод. А долгие вечера там так тихи и безмятежны, что я удивляюсь лишь четверым детям. Боюсь, что я бы рожала каждый год по одному.

— Но и они не знали, где нас искать! — воскликнула Хасми.

— Да, — кивнула незнакомка. — Но мне хватило для поисков того, о чем они вспомнили. О том, что ты, Харк, собирався отправиться туда, куда не забредают хиланские ловчие, да хотел заниматься тем, что тебе знакомо, то есть трактором. И о том, что на милом лице Хасми все еще остаются едва различимые точки на губах после страшных пыток.

Хасми побледнела и прикрыла губы ладонями.

— Не так уж много тракторщиков, чьи жены несут такие следы на лице, — добавила незнакомка.

— Ей зашивали рот! — процедил сквозь стиснутые зубы Харк.

— Я знаю, — вымолвила незнакомка и поднялась. — Мужество, с которым твоя жена приняла выпавшие на ее долю испытания, достойно преклонения. Я бы не хотела оказать ся на ее месте. Не уверена в собственной стойкости.

— И ты ходила по Текану и Вольным землям и расспрашивала обо мне? — помрачнела Хасми.

— Я даже не заводила разговоров о вас, — покачала головой незнакомка. — Я нарисовала на своем лице похжие шрамы и притворилась обычной путницей, торговкой лентами и стеклянными бусами. Они у меня и теперь есть. Уже в пятом трактире я услышала, как один из торговцев думает о том, что нет прощения пустотной мерзости и слугам ее, если они не только убивали людей, но и издевались над ними. И о том, что уже вторая женщина с такими отметинами — слишком много для одной дороги. Дальше все было просто. Еще раз прошу прощения, Хасми, что заставила тебя вернуться к нелегким испытаниям даже в мыслях.

— Мне кажется... — Хасми говорила медленно. — Я не читаю чужих мыслей, но мне кажется, что и ты готова к некоторым испытаниям?

— Надеюсь на это, — после долгой паузы ответила незнакомка. — И чтобы развеять ваши сомнения, я скажу, что вы знала у вас. Кир Харти сейчас находится в лапаньской темнице. И он отправился туда по собственной воле. Во всяком случае, собирался туда. Но вы не знаете зачем. Он предупредил вас, чтобы вы не слишком беспокоились. Но вы считаете его сумасшедшим. Особенно теперь, когда Пагуба отступила. Где находится эта тюрьма? Примерно три сотни лиг на северо-восток. По пустыне. Спасибо. Вот уж не знала, что у лапани не только стойбища, но есть и город. Или это не город? Не их город? Значит, тюрьма есть, а города нет? Странно, зачем тюрьма кому бы то ни было, если нет города?

Харк и Хасми потрясенно молчали.

— Палхи обходятся ямами, в которых откармливают мугаев, — продолжила говорить незнакомка. — Но если не хотят жирной человечины, заставляют мугаев работать в штольнях.

— Ты думал слишком подробно! — прошипела на ухо Харку Хасми.

— Не обижайтесь, — проговорила незнакомка.

Она сделала несколько шагов к выходу и остановилась уже у самой двери.

— Я должна его найти. Он для меня то же самое, кем был для тебя, Хасми, сначала твой друг Намувай и кем стал на остаток жизни твой Харк, да будете вы живы и здоровы еще

много-много лет. Раньше я думала, что давняя встреча с Ки-ром Харти сотрется из моей памяти, но время оказалось не властно над нею. Но есть и другие причины, почему я ищу его. Вам о них знать не нужно.

— Это все? — хрипло спросила Хасми.

— Почти, — вздохнула незнакомка. — Но не думайте, что ваше пребывание здесь — тайна. У вашего трактира меня ждал соглядатай. Шустрый, остроносый воин. Он прикидывается нищим странником. Думаю, что он приглядывал за каждым, кто входит сюда, так что для кого-то ваше пребывание здесь не тайна. Но я постараюсь его заинтересовать, чтобы увести от вас. Если он не зацепится и останется, да еще будет расспрашивать обо мне, можете сказать, что я справлялась о каком-то зеленоглазом охотнике. Думаю, что это посланник иши Текана. Кто-то из ловчих или даже из тайной службы. Скорее всего, он пойдет за мной.

— Зачем Кир ише? — не выдержал Харк. — И почему ты не убьешь этого ловчего?

— Зачем убивать соглядатая, которого знаешь? — удивилась незнакомка. — Ведь тогда может появиться кто-то другой, о ком ты догадаешься не сразу. А что касается того, зачем Кира Харти ищет иша, секрета в этом нет. В Хилане многие говорят об этом. Насколько мне известно, с год назад Кир Харти отправил через воеводу Гарпа письмо урайке Хилана Тупи, матери нынешнего иши. В этом письме он сказал, что собирается открыть Салпу миру. Снять огненные границы, которые считаются границами Пустоты, и доказать, что мир бесконечен и Салпа лишь малая часть его. Я уж не говорю о слухах, что в первый день третьего месяца весны зеленоглазый охотник через Ледяное ущелье вскрыет несметные богатства Запретной долины. До назначенного им срока остались считанные недели.

— Зачем? — не поняла Хасми. — Зачем он написал это ише?

— Он беспокоится о людской участи, — предположила незнакомка. — Считает, что, когда границы падут, Текан окажется в окружении бесчисленного количества тати, потому что это их мир. Во всяком случае, когда-то так было. Уж не знаю, как к этому письму отнеслась Тупи, но именно по-

сле него урай Текана собрали Большую Тулию и избрали нового ишу. Думаю, Салпа и в самом деле может освободиться от власти Пустоты. Или вы сомневаетесь в зеленоглазом?

— И соглядатай должен не допустить этого? — прошептал Харк. — Или только наблюдать за Киrom Харти?

— Не знаю, — задумалась незнакомка. — У него сильные амулеты, мне не удалось покопаться в его голове и уж тем более заглянуть ему в глаза. Может быть, он должен убить Кира Харти, может быть, следить за ним, но как лазутчик он неплох. Я прибыла в Гиму вчера, нашла ваш трактир, задержалась у входа на минуту, и с тех пор он от меня не отставал. Даже на торжище. Наверное, я показалась ему подозрительной. Но не волнуйся, Хасми. Я не допущу смерти Кира Харти. Даже если он не захочет иметь со мной дела. Прощайте.

— Минуту, — подала голос Хасми, останавливая незнакомку в дверях. — Ответь. Ответь мне как женщине... Ты ведь слышишь, о чем думают мужчины, когда видят тебя?

— Да, — кивнула незнакомка. — Почти каждый из них, даже тот, кто верен собственной жене и в чьем сердце живет нежность к ней, обязательно раздевает меня в своих мыслях и порою даже овладевает мной. Некоторым удастся фантазировать довольно мило, не скрою. Некоторые ничем не отличаются от хиланских псов.

— И как же ты... — пробормотала Хасми.

— Привыкла, — рассмеялась незнакомка. — Конечно, хочется порой обрезать неумемные фантазии, но боюсь, что в таком случае мне лучше вообще не встречать на дорогах мужчин, а то я покалечу каждого, исключая слепцов. Так что скорее я даже удивляюсь, когда кто-то не представляет меня без одежды и не придумывает... разного. К тому же так думают о большинстве женщин. Уверяю тебя, Хасми. В твой трактир приходят не только за вкусной едой, но и полюбоваться на тебя. Когда ты улыбаешься, словно солнце заглядывает в его окна.

— А как же Кир... — начал Харк.

— Он непрогляден для меня, — ответила незнакомка. — И это тоже важно. Очень. Простите меня за излишнюю болтливость. Редко удается поговорить с теми, кому можно довериться. Прощайте.

Дверь хлопнула. Хасми с интересом посмотрела на мужа. Харк покраснел и начал сбивчиво бормотать:

— Да как ты могла подумать? Да ничего такого. Все мысли только о тебе. Да брось ты...

— Расскажешь мне об этом вечером, — пообещала ему Хасми. — И ночью.

— А под утро расскажу еще раз, — ударил себя кулаком в грудь Харк.

— А знаешь, — Хасми погасила плеснувшуюся в глазах нежность и нахмурилась, — я вот о чем думаю. Когда же она познакомилась с Каем? Ты видел? У нее пояс с хурнайской пряжкой. В виде двух серебряных рук. Последний раз Кай бывал в Хурнае только во время Пагубы. То есть она виделась с ним почти пятнадцать лет назад. Если ей сейчас двадцать пять, то тогда было десять? Ты можешь это себе представить? И вот еще... Ведь она очень одинока.

— Так ты тоже читаешь чужие мысли? — грустно скривился Харк.

— Нет, — мотнула головой Хасми, коснулась пальцами губ, об отметилах на которых она начала забывать. — Но я женщина. И ведь ты тоже почувствовал. Признайся! Она и в самом деле рассказала нам больше, чуть больше, чем надо. Лишнее. Наверное, она заглянула в наши сердца и поняла, что мы не так уж и плохи. Ведь так?

— Ну, насчет похлебки и редиски я бы поспорил, — протянул Харк.

— Знаешь, — пробормотала Хасми, — а ведь я бы не хотела знать, о чем ты думаешь. Даже если ты врешь мне, все равно не хотела бы.

— Я не вру, — сделался серьезным Харк.

— Я знаю, — кивнула Хасми.

За окном раздался стук копыт. Притихшая было пичуга снова залилась трелями.

— Хорошая примета, — сказал Харк.

Незнакомка миновала восточный дозор гимской стражи в тот же день. Через час за нею проследовал неприметный всадник. Лицо его было тоже скрыто капюшоном, но стражи сумели разглядеть и длинный нос, и маленькие глазки

странного путешественника. А потом прочли и шипящее имя на его ярлыке — Шалигай. Заплатив проездную пошлину, Шалигай отъехал на четверть лиги, обернулся, открыл короб, закрепленный на крупе коня, и вытащил оттуда голубя. Не прошло и минуты, как серый вестник взвился в небо и полетел в сторону Хилана.

Еще через час на посту стражи появился седой, чуть полноватый старик маленького роста, который ехал на осле. Стражники упали на колени, потому что узнали в неприятельном путнике правителя Гимы — старца Эшу. Старик сердито цыкнул на дозорных, произнес несколько резких слов и шелкнул пальцами. Дозорные замерли, словно окоченели, и пришли в себя только минут через пять, когда старика уже и след простыл. Впрочем, они уже не помнили ни о нем, ни о Шалигае, ни о прекрасной всаднице с темно-синими глазами.

Глава 1 АСАНА

Лапани обходились без городов. Разве могли дома из дерева или из камня заменить теплый двойной шатер из шерсти черной козы, которому не страшны ни ветер, ни дождь, ни снег? Разве можно разобрать каменный или деревянный дом, погрузить на верблюдов, переехать на другое место — на другое пастбище, и уже ближайшей ночью снова спать в собственном доме? Нет. Не было городов у лапани. Иногда старики или старухи, которым главы родов доверяли воспитание детей, начинали рассказывать малышам что-то о далеких предках, что построили ныне занесенные песком города, но сами не слишком верили собственным словам. Порой песок отступал, и открывающиеся камни являли надписи, выполненные той же самой вязью, которой старики-лапани все еще размечали привычные таблички, но смысл написанного на камнях ускользал от скотоводов, хотя вроде бы и знаки были те же самые, да и слова из них складывались почти знакомые. К счастью или к несчастью, но древние города были скрыты песком почти полностью, что позволяло избежать ненужного соблазна и тревоги кочевого ума. Однако один из древних городов показал лапани несколько больше обычного.

В трех сотнях лиг от Гимского перевала из песков поднималось целое здание. Два этажа были сложены из черного камня, который летом нагревался на солнце так, что, попытайся кто из кочевников прислониться к нему, оставил бы ожоги даже через двойной стеганный лапаньский бурнус. Крыша над зданием не сохранилась, и толстые стены, ограждающие квадрат размером сто на сто шагов, колонны, внутренние лестницы, башни, галереи и переходы, напоми-

ная высохшие внутренности гигантского зверя, устремлялись непосредственно в желтое небо. Часть лестниц спускалась в недра здания, скрытые глубоко в песке, в центре строения темнело пятно провала в жуткие подземелья, но уж туда попадали немногие. И не потому, что в песке этажей таялось больше, чем над песком. И не потому, что там, в темноте, в самую страшную жару царили сырость и холод. И не потому, что здание разбегалось залами и коридорами в стороны, всякий год обнажая новые проходы, что грозило путешественнику потерей пути. Нет. Совет родов лапани устроил в здании темницу для преступников, а в его верхнем подземном ярусе хранилище богатств степняков, которые и охраняли выделенные каждым родом воины.

У входа, который когда-то был скорее всего огромным стрельчатым окном, из песка торчал обломок гранитной стелы, покрытый лапаньской вязью, прославляющей какого-то древнего правителя. Смысл надписи был неясен из-за множества древних слов и титулов, но первое предложение лапаньским мудрецам удалось прочесть довольно точно. В нем говорилось, что все земли, укрытые пламенным куполом, будут служить правителю золотых песков, и он, этот самый правитель, будет сидеть в черном дворце, как в огромном кресле, и смотреть на припадающих к ногам его. Надпись начиналась со слова «кресло». Именно это слово появилось из песка первым, звучало оно по-лапаньски как «асана», и именно оно и дало название и двум этажам здания над песком, и бесчисленному количеству этажей под ним, и ближайшему к развалинам оазису, до которого было всего лишь пятьсот шагов, и всем шатрам и навесам, что ныне покрывали окрестности оазиса и развалин на пару лиг во все стороны. Все это называлось Асаной. Так что как бы лапани ни презирали города, но что-то вроде города с настоящими улицами и площадями, с общими отхожими местами и рынками, с торговцами-водоносами и общинными стражниками им пришлось устроить.

Именно в этот «не город» и въезжал весенним днем караван вольных торговцев. Асана была открыта для них дважды в год — полтора-два месяца весной и столько же осенью. Именно в эти дни пространство Холодных песков обретало

алый и зеленый, в тон расцветающих тюльпанов или зеленеющей травы, цвета. Но допуск чужеземцев на равнину объяснялся не заботой об их лошадях. Как раз в эти месяцы большая часть родов собиралась в Асане. На родовых пастбищах оставались только пастухи, в стойбищах старики и старухи, а молодые воины, молодые женщины — все были здесь. Женщины торговали и торговались на пусть и меньшем, чем в Хилане и даже Гиме, но значительно более шумном рынке, а молодые воины устраивали гонки на верблюдах, соревновались в меткости стрельбы из луков и метании дротиков, проверяли крепость костей и суставов друг друга в борцовском круге. Кроме всего прочего, в эти же дни игрались и свадьбы, хотя большая их часть все-таки выпадала на осень. И все же караванщик, который властвовал над двумя десятками навьюченных мулов, улыбался. Ленты и украшения, которые он вез в Асану, пользовались спросом и весной. Всякая уважающая себя степная девушка запасалась ими заранее.

Одно беспокоило караванщика — прибывшаяся к его каравану пара путников. Сначала появилась молодая торговка в блеклом бурнусе с мешком лент — не конкурентка, так, корбейница. А на полпути караван нагнал напоминающий крысу хиланец, сославшийся на какие-то торговые интересы. Конечно, одинокие путники, если они не пытались самовольно проникнуть к золотоносным пескам, которые располагались на окраине земель лапани, могли во всякое время отдаваться жаре или холоду, но сотвори они какую пакость, лапаньские стражи могли спросить и с караванщика. Объясняй им потом, что он толком и имен их не запомнил, хотя и взял по серебряному за совместное странствие. Впрочем, на разбойников попутчики караванщика не слишком походили, держались порознь и хлопот ему особых не доставляли. Тот же хиланец, если и был когда-то разбойником, явно растратил былой пыл — тащился в хвосте каравана, ни с кем и словом не перемолвился. С другой стороны, ему-то зачем чужими заботами затылок полнить? Вот уже и пустынные сосны оазиса впереди, вот зубчатый от шатров гребень старого бархана, вот веревка, растянутая на кольях вокруг всей Асаны, подрагивает на ветру. Неужто не отстанут? От-

стают, хвала Пустоте. Кажется, и теперь он не прогадал. Уговор странники соблюли — караван остановился у дозора лапаньских мытарей, а парочка, сохраняя между собой солидное расстояние, направилась к обычным стражникам, что досматривали как раз коробейников и редких странников. Так ведь и там сохраняли промежуток — ближе двух десятков шагов так и не приблизились друг к другу. Чудны твои промыслы, Пустота. Кого только не встретишь на караванных тропах.

Молодая женщина, ведя лошадь под уздцы, подошла к стражникам первой. Хиланец сполз с коня и уселся на глыбу известняка в отдалении. Высокий лапани лениво поднялся со скамьи, прищурился от порыва прохладного весеннего ветра, наклонил голову, с интересом рассматривая незнакомку, приготовился скривить губы в презрительной усмешке. Женщина набросила повод лошади на крюк коновязи и сбросила с головы капюшон бурнуса. Улыбка на лице старшины-степняка растаяла, не проявившись. Ни крохи покорности не было в гостье Асаны, хотя с чего вроде бы? Одежда добротная, но не новая, да и простая, потаскай еще с полгода, и будет впору в починку отдавать или самой пальцы иглой терзать. Из того, что могло сойти за оружие, — посох да нож на поясе. На лошади — пара мехов с водой или чем покрепче, тюк тканей или лент да еще мешок с прялкой или чем-то похожим. Лошадь не плохая, но и не слишком хорошая. Всего-то и есть богатства, что чистая кожа, правильные черты лица, жгучие в черноту волосы, ладная стать, повадки и жесты мягкие, словно кошачьи или змеиные, да взгляд... Невозможный взгляд темно-синих глаз, который режет живую плоть на пласты, в самое сердце упирается, словно насквозь просмотреть хочет. А ведь богатство. Если и это не богатство, то что тогда богатство? А уж голос...

— Вот. — Незнакомка протянула старшине дозора ярлык. — Я из Зены.

— А пояс почему хурнайский? — кивнул старшина на серебряную пряжку с эмблемой клана Руки, двух соединенных в пожатии кистей.

— Подарок, — проговорила незнакомка.

— Арма, — с трудом разобрал хиланские буквы стражник. — Зачинная?

— Да уж не из знати, — кивнула женщина.

— Вот ведь куда тебя занесло, бедолагу, — покачал головой старшина. — За какой надобностью в Асану? Расторгнуть что или еще интерес какой имеется?

— Интерес, — ответила Арма и обернулась к лошади, показала на тюк. — А под интерес и расторгнуть чуток товара хочю. Надо же и есть что-то, и место в шатре оплатить.

— Место в шатре получить тебе, красавица, легче легкого, — заметил степняк. — Только свистни — половина шатров твои. Зачем той, что сама счастье, счастья искать?

Прищурилась Арма. На толику сдвинула узкие брови к переносице, словно высмотреть что в стражнике попыталась, проговорила негромко:

— Снаружи избытком посудинка полнится, а изнутри только ветер свишет. Суженого я ищю.

— Суженого? — удивился старшина, расправил плечи, подтянул пояс. — Кого-то с именем или по стати будешь отбирать?

— По глазам, — ответила Арма. — Взгляд у него... зеленою отсвечивает иногда. Словно степи лапаньские. Как раз об эту пору.

— Зеленью? — приуныл старшина, вернул ярлык женщине. — У наших глаза все больше в черноту бьют. Не там ты суженого ищешь, синеглазая, не там.

— Бедовый он, — продолжила Арма. — Всё его на подвиги тянет. Боюсь, как бы не загремел он в вашу темницу.

— В темницу? — обернулся старшина к черным стенам, что поднимались над конусами шатров. — Если уж загремел, то бедовее не бывает. Редко кто оттуда возвращается, девонька.

— А попросить кого о помощи? — наклонила она голову. — Неужели добрых людей нету среди охранников? Хотя бы весточку принять-передать? Там ли он, не там? Уж половину Салпы, считай, объехала.

Нахмурился старшина, лоб наморщил, словно по именам перечислял в голове каждого, кто посодействовать мог незнакомке, но все одно головой замотал.

— Нет там никого, — присвистнул через прореху в зубах. — А если кто и есть, то монет не хватит, чтобы до его доброты достучаться. К тому же дозоры каждую неделю меняются. Одного прикормишь, а там уж другой стоит. И вот что я тебе скажу, милая.

Шагнул вперед лапанец, наклонился, дохнул на ладную гостью запахом кислого сыра и травяного отвара:

— Сберегайся. Если кто узнает, что ходы к темнице ищешь, да старейшинам восточку кинет, сама в темнице окажешься. А там уж, пока через стражу пройдешь да через тех, кто среди заточенных силу держит, и о суженом забудешь. Только шкурка от тебя останется, да и та порченная. Бабы под землей редко случаются, так и то о казни чаще всего просят, все одно более часа внизу никто еще из них не продержался.

— Будь здоров, добрый человек, — прошептала Арма, поймала тонкой крепкой ладонью ручищу старшины, вложила в нее серебряную монетку, да второй ладонью накрыла. — Спасибо. Хорошо думал про меня.

Сказала да мимо прошла. А степняк словно окаменел на пяток секунд, потом очнулся, глаза вытаращил и тут же заорал хиланцу, что жмурился на камне:

— Почтенный! За моим дозором скамейки ничем не хуже, чем перед ним! Или я буду тебя до полудня дожидаться?

Верно, не одну сотню лет дети Холодных песков месили ногами, увлажняли водой, мочой, остатками лапаньского супа, пылью, вытряхнутой из войлоков, барханы Асаны, чтобы те стали тверды, как каменные пустыни севера. Была бы еще вода в достатке, давно бы уже расправили кроны деревья вокруг развалин, но лишь иногда заглядывали сюда через перевалы Восточных Ребер и Северного Рога весенние влажные ветра. Теперь как раз было их время.

Арма недолго бродила по Асане. Обошла огороженную все той же веревочной преградой торчащую из песка черную громаду, миновала четыре загона с лошадьми, пока не выбрала седого молчаливого лапаньца и не вручила ему поводья своей кобылы, предварительно забросив на плечо не слишком тяжелый тюк с лентами и странно похудевший ме-

шочек, в котором не далее как неделю назад Харк заподозрил самострел. Затем отправилась на рынок и, дивясь визгливым голосам лапаньских женщин, распродала по низкой цене половину лент и стеклянных украшений, благо парочка из них — самых ярких — что сияла алым в ее волосах, заставляла столбенеть каждого вышедшего на торжище степняка и вызывала зависть у всякой степной девчушки. Недавний караванщик, разглядев, как идет торг у его бывшей спутницы, разразился шипящими проклятиями и, в конце концов, сам скупил у нее оставшиеся ленты и стекляшки. Еще и предложил постоять у него под тентами продавцом, но Арма ограничилась обещанием подумать об этом. Теперь у нее остался небольшой мешок за спиной да посох, который она не выпускала из рук, хотя и не слишком опиралась на него при ходьбе.

Вторую половину дня Арма провела в очереди из заплаканных женщин, которые стояли у дозора стражи с передачами, потолкалась в редкой толпе кликальщиц, вся забота которых была добиться прохода к черному колодцу в центре развалин, чтобы выкликнуть родного человека: если отзовется, каждая могла получить ярлык родни заключенного да право на передачу. Хотя, как жаловались женщины, всякий раз откликался кто-то, да не тот, кто нужен. Арма стояла среди них молча, капюшон бурнуса скрывал ее лицо, но си-нева глаз нет-нет да проглядывала из тени. И ни в одной, ни в другой очереди Арма не достояла до срока, разворачивалась и уходила, не отвечая ни на вопросы, ни на оклики. Вечером, когда начал спускаться длинный северный сумрак, молодая женщина провела лошадь, убедилась, что не обманулась в загонщике, подбросила ему монету и отправилась к большим шатрам, где за медную мелочь можно было найти кров. Шатер она выбрала из тех, что победнее, и спать улеглась среди отбившихся от родов степняков и караванных служек, правда, предварительно обрызгавшись каким-то составом от паразитов. Ранним утром ее уже не было, поэтому никто из заспанных бородачей так и не понял, кто лежал на боку в пяди от их потных тел и чей запах сусальной золотинкой пробивается сквозь вонь какой-то ядовитой травы.

Второй день в Асане отличался от первого только тем, что Арма уже не торговала с утра лентами на рынке, а молча ходила между рядами, рассматривая товар, щупая кожу и ткани, чеканку и литье, гончарку и резьбу по дереву, кости и камню. И слушала, слушала, слушала, замирая порой возле такого торговца, который и вовсе ни слова наяву не молвил. К вечеру она, кажется, обошла не только все торжище, но и каждую улицу Асаны, зашла в каждый степной навес-трактир, даже постояла у вонючих выгребных ям, куда сбрасывались не только нечистоты, но и падаль. И всюду едва различимой тенью за ней следовал остроносый Шалигай. Таился за пологам, прижимался к шестам, на которых сушились после зимней затхлости войлоки, прятался среди лошадей у коновязи, менял накидки, повязывал на плечи серые кетские платки, то хромал, то изображал пьянчугу. Всякий, кто пригляделся бы к остроносому, решил бы, что хиланец не в себе и уж точно не тот, кем он кажется. Но забот у лапани в Асане было столько, что в суму не уложишь, а уложишь — бечевы не хватит перетянуть, так что никто на остроносого не смотрел. К тому же и без него хватало и пьянчуг, и хромых, и остроносых, и скрывающихся то ли от дозоров, то ли от разъяренных жен. Точно так же и Арма, которая от вечерней прохлады куталась в темно-синий платок, ни разу не обернулась, чтобы рассмотреть остроносого, но уже в сумерках звякнула медяками у очередного постоянного шатра, накинув капюшон на лицо, нырнула за полог и, пробираясь между похрапывающими и бормочущими что-то путниками или степными бродягами, словно случайно задула тусклую лампу. Сидевший у полога дозорный разразился проклятиями, выглянул наружу, снял вторую лампу с шеста, торчащего у входа, и пошел перешагивать через спящих, чтобы восстановить освещение. Верно, нужно было проявить недюжинную сноровку, чтобы не только успеть за секунды добежать до противоположного края шатра, вскрыть войлок острым ножом вдоль земли и выкатиться наружу, но и ни на кого не наступить при этом, да еще и набросить синий платок на тонкокостного доходягу в почти таком же бурнусе, что скрывал и Арму. Остроносый заглянул в шатер сразу же, как дозорный вернулся к пологу. Прищурился, разглядел синий

платок на доходяге, который как раз шевелился в отдалении, накручивая на себя нечаянное тепло, и бросил дозорному медяк, чтобы устроиться на ночлег тут же.

Арма тем временем быстрым, но неслышным шагом шла к развалинам. Улицы шатрового города уже вовсе опустелись в темноту — мутную, как туман, от горящих костров и ламп на широких улицах и перекрестках, и непроглядную между шатрами. В одну из этих теменей Арма и шагнула. Сняла с плеча мешок, достала стянутый сукном сверток, развернула его и в полной темноте, на ощупь, в минуту собрала небольшой самострел с закутанными тканью стальными рогами, защелкой, стопором. Наложила стрелу, взвела механизм, затем отложила самострел в сторону, очертила вокруг себя ножом круг, вытянула в стороны руки, растопырила пальцы, зашептала, зашелестела диковинными словами и словно потянула из темноты сонных светляков, окунув ноготки в мерцающее молоко, и поднесла к глазам. Затем поднялась, прислушалась к далекому грохоту медной тарелки, в которую каждый час ударял ночной соглядатай, вставила посох в нашедшиеся под бурнусом петельки, заровняла ногой круг, подняла самострел и пошла по темной улочке так, словно белый день стоял над Асаной.

Миновала два дозора, стерегущие площадь. Миновала шатры старейшин, возле которых горело сразу четыре костра и слышалось заунывное, но, к счастью, негромкое лапаньское пение. Остановилась на минуту у большого серого шатра, внутри которого слышалось всхрапывание не менее четырех лошадей и беспокойное дыхание двоих мужчин. Кивнула чему-то и двинулась к северной части площади, где и костров было меньше, и шатры стояли победнее. Отдалившись от площади, миновав две улочки, вдруг развернулась. Мягко, почти неслышно щелкнул укутанный тканью самострел, раздался сдавленный хрип, и рядом — в десяти шагах — что-то упало. Арма шагнула к войлочному жилищу, сдвинула висевший на бечеве полог, наклонилась, наступила коленом хрипящему человеку на грудь, ударила его ножом. Потом вытащила из обмякшего тела стрелу, вытерла ее об одежду, вставила в рану другой нож — обычный, лапань-

ский, с полустертой родовой меткой, быстро обыскала убитого, сорвала с его шеи ярлык.

Не прошло и пяти минут, как Арма уже ползла в сторону развалин. Ползла с темной стороны, там, где глухая стена возвышалась на десяток локтей. Остановилась в десяти шагах от древней стены, присмотрелась к ее оголовку и начала медленно, неслышно раскутывать рога самострела. Цель маячила высоко, а ткань забирала у оружия часть силы. К тому времени, как над ночной Асаной должен был раздаться очередной удар соглядата в медь, самострел был готов к выстрелу. Его щелчок раздался одновременно с грохотом, и еще не рассеялся медный гул, как тело лапаньского стражника рухнуло со стены. Добивать стражника не пришлось. Но и у стены стрелу заменил обычный лапаньский нож.

Арма обыскала тело, огляделась, как будто могла что-то видеть в кромешной темноте, и медленно поползла прочь от развалин. Уже через десять минут она стояла у загона, где смотритель принял у нее несколько серебряных монет и вернул взнуданную лошадь.

— Хлеб, вода, вино, сушеные фрукты, соль, вяленая рыба, соленое мясо, — проговорил он негромко. — Копыта подвязаны войлоком. Хотя, если лапани не будит звон медной тарелки, что им от стука копыт? Куда теперь, красавица?

— К дому, — ответила она неопределенно.

— Ночью? — покачал головой лапани. — А не боишься ночных песков? Волки голодны в эту пору.

— Я сама как волчица, — улыбнулась Арма и взлетела в седло. Потом наклонилась и прошептала негромко старику: — Не мучь себя. По делам я была в Асане, по делам. Завершила, пора и домой.

— Кровью от тебя пахнет, красавица, — вдруг буркнул лапани.

— Кровью? — задумалась Арма, потрогала нож на поясе, но вытаскивать его не стала, выговорила медленно: — То кровь мерзавцев, старик. Не стоит их жалеть.

— До Гимы три сотни лиг, — усомнился лапани. — Успеешь уйти?

— У меня хорошая лошадь, — засмеялась Арма.

Она рассекла веревочную преграду на четверть лиги севернее главного дозора и мытарской. Пару лиг придерживала лошадь, прислушиваясь к звукам Асаны. Потом спешила, сняла с копыт войлоковки, снова запрыгнула в седло, пустила лошадь рысью. Знакомая даже в темноте тропа понемногу забирала в предгорья. Триста лиг до Гимы. Многовато против быстрых лапаньских верблюдов. Да и лошади у степняков тоже имелись. Хорошие лошади. К тому же кто сказал, что гимские старцы покроют убийцу?

Утром, когда тропа выбралась на каменистое плоскогорье, Арма повернула к северу.

Глава 2 ПОБЕГ

В подземелье Асаны всегда было темно, но когда садилось солнце, над колодцем центрального провала, днем через который все-таки падал тусклый свет, раздавался клич старшего дозорного, который разносился далеко по подземным коридорам:

— День прожит!

На стенах каменного закутка слабо мерцали липучие грибы. Есть их было нельзя, но привыкшим к темноте глазам мерцания хватало, чтобы видеть. Хотя, по слухам, некоторые из обитателей подземелий вовсе обходились без света. Меченый так уж точно.

Сарлата покосился на сидевшего в пяти шагах от него узника. Тот был недвижим и как будто расслаблен. Глаза закрыты, ладони на коленях, спина прямая, словно лапаньские стражники забили Меченому в задницу дротик, но так ведь не забили. Ему забьешь, как же. Кое-кого обманула вот эта расслабленность, был бы поумнее теканец, все подземелье вплоть до верхнего яруса, где хранили богатства старейшины лапани и располагались стражники, под себя подмял бы. Но нет. И себя пригнуть не дал, но и в пригибшики записываться отказался. Неужели и впрямь спустился он в подземелье Асаны только ради того, чтобы забрать у Сарлаты диковинный каменный нож? Или есть у него и еще какая-то

задумка? Не хочется отдавать, не хочется. Ну, так чем он рискует? Нож не здесь, нож в логове у перевала. А там дружки Сарлаты, не все, но дюжина всегда должна оставаться в потаенном месте, там уже не Меченый будет первым слово молвить, а сам Сарлата, и никто иной. К тому же все одно, Меченый первым должен свою плату выставить — вытащить Сарлату из подземелья, а уж там видно будет, кому как кости лягут. И все-таки отчего-то холодило нутро Сарлаты. С самого первого дня, как увидел он Меченого, ходил как с куском льда в кишках.

— Сегодня ночью, — наконец выдохнул Меченый.

Сарлата вздрогнул. Уже неделю всякий раз, когда слышал тихий голос Меченого, вздрагивал, и ненавидел за эту дрожь и себя, а пуше всего Меченого.

— Ты же сказал, что опасность наверху? — спросил Сарлата.

— Была и исчезла, — пробормотал Меченый и открыл глаза, густой зеленый цвет которых можно было различить даже в сумраке. — Чувствую, что исчезла. Поэтому — сегодня. Впрочем, так и так пошли бы. Пора.

— И нас будут ждать? — уточнил Сарлата.

— Будут, — кивнул Меченый.

— А если бы ты застрял тут на весь срок? — оскалил зубы Сарлата.

— Сколько надо, столько и будут, — снова закрыл глаза Меченый. — Готовься. Скоро.

— Слушай, — Сарлата поежился, — а ты точно не тот умелец? Ну, не охотник с зелеными глазами? Слышал я байки, что был такой во время Пагубы. А? Много он натворил всякого, а потом вроде пропал куда? Хотя была тут недавно какая-то возня с Запретной долиной? Опять он?

— А тебе какая разница? — спросил Меченый и после недолгого молчания добавил: — Я тогда был еще ребенком. Почти пятнадцать лет прошло с Пагубы.

И то правда. Сколько лет Меченому? На вид меньше тридцати. Много меньше. Двадцать пять? Кожа молодая, руки крепкие, колени здоровые. С другой стороны — тонкие морщины на лбу, едва приметный шрам, паутина у глаз, сухие скулы... Кто его знает... Никогда не отвечает ни на какие во-

просы о себе самом. Даже имени так и не назвал. Меченым уже в подземелье окрестили, когда стражники спустили его с верхнего яруса голым, с исполосованной бичом спиной, на которой только в одном месте не было крови — на сером пятне в форме треугольника от левого плеча до закривка и до основания левой лопатки. Спустили, вытянули веревку наверх, бросили ветхую одежку, выстроились по краю пролома — и стражникам интересно, как новичка ломают.

— Лошадь украл! — донесся сверху крик старшины. — Сто плетей и три месяца подземелья!

Загудел народец сразу. Послышалось Сарлате даже, что кое-кто знал Меченого, вроде как бродил этакий странник по окраинным стойбищам, со стариками говорил, все искал чего-то. Много лет искал. Так не каменный ли нож Сарлаты он искал? Три месяца, выходит? Так некоторые и в неделю подыхали. Хотя чего делать-то в подземелье? Сиди, жди, когда будут передачи сбрасывать, откликайся на любой бабский зов, лови порченное зерно, чтобы живот набить, да слизывай воду со стен. Кутайся в тряпье — и летом, и зимой холодно под землей. А хочешь, копайся в нижних пределах, таскай песок, чисти ходы. Вот оно ведро на веревке, висит в пяти локтях над грязным полом, кричи, стражники спустят. Сыпь набранный в собственную рубаху песок в ведро, называй имя, десять тысяч ведер — и ты свободен. А уж если найдешь что ценное... то не выйдешь из подземелья никогда.

Те, кто правит в темноте, убийцы и отъявленные мерзавцы, заберут находку себе да еще шкурку твою попортят. Многих из них Сарлата мог порезать на куски и двоих-троих разорвал бы голыми руками, но не резон ему было красоваться перед толпой, еще узнает кто в седом здоровяке с кошачьими повадками знаменитого убийцу, главу пустынных разбойников, самого разорвут на части, даже здесь, под землей, много было обиженных, много. Как знал о возможной беде Сарлата, когда начал закутывать лицо тряпьем, с самого первого разбоя так и прослыл Безлицым. Но здесь, в подземелье Асаны, лицо не закутаешь. Хорошо еще, что Сарлата знал, как себя повести, какие слова сказать, на что намекнуть, быстро отстали. А если бы всерьез стали проверять на прочность? Устоял бы он, как устоял Меченый? Сдох бы,

наверное. Устоял бы, но сдох. Потому как только Меченый спит и словно во сне видит вокруг себя, глаза открывает, стоит шевельнуться. Но и он тоже за недолгое время, что провел в подземелье, побледнел, носом начал шуметь, пот со лба смахивать. И Сарлата сдохнет, если не выберется наверх, от сырости грудь кашель на части рвет. Попался в руки лапанынской стражи спьяну, да с чужим мечом — легко отделался, получил год подземелья, можно продержаться, подбрасывают дружки время от времени нормальной еды. Но тяжело. Всего-то проторчал семь месяцев в темноте, и вот уже не только проклятый кашель, но и руки трясутся, и живот пучит, и в ушах звон. За семь месяцев и Меченый бы пополам скрючился, если он за два месяца сдавать начал. И все-таки силен он, не так, как Сарлата перед поимкой, мало кто мог с седым сравняться, но силен. А ведь когда появился впервые, многим показался тщедушным — ни тебе живота, ни жирка на боках, что от сытой жизни да излишка силы приключается. Ну, жилистый, плотный, так и плотнее на части рвали. Или просто так в нижних галереях человечьи кости под ногами попадают? Свежие кости, свежие. Но Меченый жирным не был, оттого и интерес к нему был другой. Оттого и послали к нему сначала такого же. Жилистого, быстрого, верткого как змея, выходца из вольных. Редкого мерзавца. Тот подошел к Меченому, что не спеша зашнуровывал порты, подбоченился, сплюнул на босые ноги новичка, спросил громко, так, чтобы и зрители наверху слышали:

— В отхожем месте, что ли, заснул, приятель? Откуда пятнышко на спине?

Меченый не ответил. Огляделся, стоя в кругу бледного света. Увидел, теперь-то Сарлата точно уверен, что увидел несколько сотен пар глаз, смотрящих на него из мрака, но даже жестом не выдал испуга. Прихватил узлом бечеву в портах, сунул ноги в странные, похожие на связанные из обрывков старых ремней сандалии, накинул на плечи рубаху. Смелый? Ничего, и не такие пугались. Береги одежду, бедолага. В ней тебе теперь и спать, и жрать, и гадить, и обгаживаться, и от холода спасаться, и от жары. И кровавые сопли в нее же сморкать.

— Ты глухой или немой? — удивился жилистый, прибли-

зился на шаг, спрятал в руке осколок сосуда, перемотанный с одного края рваньем. — Рот открой. Или тебе уши расковырять?

— Уши, — холодно бросил Меченый и в следующее мгновение поймал выкинутую вперед руку со стекляшкой, до странности легко переломил ее в локте и пресек жалобный вой жилистого точным ударом в висок его же оружием.

Стражники наверху довольно загудели. А с той стороны, где стояли древние, вытащенные из нижних ярусов скамьи, раздался возмущенный рев, и на свет вывалился верзила Бешеный, покровитель жилистого. Верно, убитый был для огромного, ростом под пять локтей, да весом, которого бы хватило на троих, убийцы не только служкой, но и телесным утешением. В ручищах у Бешеного дрожал выломанный из какой-то решетки железный стержень длиной в полтора локтя с заточкой на конце. Взлетело оружие над Меченым так, словно молния сверкнула. Сарлата готов был поклясться, что сейчас голова наглеца лопнет, как яблоко под копытом коня, но голова не лопнула. Новичок даже не стал вытаскивать из головы жилистого стекляшку. Быстро, неуловимо быстро шагнул в сторону, пропустил удар верзилы мимо и подломил тело здоровяка ударом по его же голени. И уж как успел подправить стержень, зажатый в руке верзилы, — неизвестно, только пригвоздил сам себя Бешеный к грязному полу намертво — вырвался острый конец из могучей спины с клоком окровавленной плоти.

А потом Меченый сделал то, чего от него не ждал никто, а уж тем более степняки, которых было в подземелье не менее половины. Он поклонился на четыре стороны, опустился на ноги, распустил только что затянутый ворох рубахи и расставил в стороны руки.

Всё. Теперь убить Меченого можно было только в честной схватке. Он вызвал каждого, кто хочет свести с ним счёты. Вызвал на схватку один на один. Об этом говорил ворот, распущенный на одну завязку. А расставленные руки говорили о том, что ни на кого из тех, кто сейчас смотрит на него из сумрака, Меченый зла не держит. Понятно, что его все равно должны были убить. Из-за угла, в темноте, в толпе, на раздаче гнилого зерна. Ткнул в спину, ищи — кто сделал, но

вот так, прямо при всех — значит, покрыть себя позором. Да и тайком — дознаются, уничтожат свои же. Да кто дознается? Все равно убьют наглеца.

Но не убили.

Тогда Меченый словно растворился. Подземелье большое. Здание, что торчало оголовком над шатрами Асаны, под землей разбегалось в стороны на сотни шагов, пусть даже большая часть помещений была обрушена, распалась на десяток ярусов, на нижних вода стояла. Ходили даже слухи, что есть уже ходы и в соседние здания, которые вовсе не показывались над песком. Было где затеряться сотням заключенных. Страшные дела творились в укромных закутках, но в еще большей части укрытий не происходило ничего — один надсадный кашель и медленное угасание. Была такая нора и у Сарлаты. Туда Меченый и пришел с неделю назад.

Ударил ногой о пролом в стене, дождался раздраженного кашля хозяина норы, сдвинул гнилой полог, вошел внутрь. Сел напротив так же, как сидит теперь рядом.

— Ты все еще жив, новичок? — удивился Сарлата. — Я ни разу не видел тебя на раздаче зерна.

— Да, — кивнул Меченый. — На раздаче — самое опасное место. Но я справляюсь. Немного врачую. Иногда могу дать дельный совет. Я здесь поэтому, кстати. Совет тебе хочу дать и дело у меня к тебе, Тихий. Ведь тебя тут так зовут?

— Тихий? — нехорошо засмеялся Сарлата и снова закашлялся, схватился за грудь, все-таки камень и сырость после сухих ветров Холодных песков — не лучший выбор. Как же его угораздило напиться тогда? Если бы хоть кто-то из стражников узнал, что он не простой воришка, а главарь своры из полусотни головорезов, промышляющих на зимних пастбищах, а то и уходящих на Вольные земли, его бы сбросили в пролом не на год, а навсегда. Да не живым, а порубленным на куски. Интересно, что за дело может быть к нему у этого отчаянного храбреца?

Когда Сарлата откашлялся, Меченый негромко проговорил:

— Сейчас я кое-что скажу тебе, приятель, только ты держи себя в руках. Нет, именно себя. А заточку, что у тебя в ле-

вом рукаве, оставь в покое. Я не собираюсь причинять тебе вреда. Пока не собираюсь. Но придется, если ты этого захочешь.

Сарлата медленно отпустил сырой рукав куртки. Кто бы ему сказал полгода назад, что он откажется пощекотать сталью опасного человека только потому, что не будет уверен, что окажется достаточно быстр?

— Так-то лучше, — кивнул Меченый. — Я знаю, кто ты, Тихий. И готов звать тебя именно так. Но на самом деле тебя зовут Сарлата. Спокойнее, спокойнее. Ты порядочный мерзавец, под твоей рукой пятьдесят всадников. Они изредка балуются разбоем на горных пастбищах, но чаще всего уходят на юг, к перевалам Дикого леса, к истоку Блестянки, и резвятся в Вольных землях. Сейчас они без главаря, но еще не разбежались. Залегли по норам. Ты их крепко держишь. Чем?

— Убиваю, когда хочу убить, — подавил кашель Сарлата. — Никогда не сомневаюсь ни в чем.

— Теперь сомневаешься, — не согласился Меченый. — Ладно. В другое время я с удовольствием прикончил бы тебя, но сейчас у меня к тебе есть дело.

— Как ты узнал? — отдышался Сарлата.

— Полгода поисков там, — мотнул головой вверх Меченый. — Полтора месяца разговоров здесь. Ты еще не понял? Я не крал лошадь, Тихий. Я сделал вид. И только для того, чтобы встретиться с тобой.

— И сто плетей на спину принял поэтому? — вдруг почувствовав облегчение, усмехнулся Сарлата.

— Это издержки, — поморщился Меченый. — Хотя удовольствия мне это не доставило.

— Чего ты хочешь?

— Каменный нож, — твердо сказал Меченой. — Нож, вырезанный из черного камня, с зазубренным лезвием и вкраплением белой породы на клинке. У ножа костяная гарда, когда-то был и шнур. Ты нашел его на северном пастбище. Еще мальчишкой. Этот нож мне нужен.

— Не ты ли его потерял? — оскалился Сарлата.

— Не я, — ответил Меченый. — Но тебе, Сарлата, лучше не знать, кто его потерял.

«Не отдам, — подумал Сарлата. — Выберусь, зубами буду грызть, но не отдам. Меченого этого на части порежу».

— Гарды нет, — после долгой паузы сказал Сарлата. — Только полоска окаменевшей кости. Обломилась гарда. Тысячи лет назад обломилась. Так что не можешь ты знать, кто потерял его, Меченый.

— Я ведь не спорить с тобой сюда спустился, — скривил губы Меченый.

— Спустился? — закашлялся на этот раз от смеха Сарлата. — Видел я, как ты спустился. По лестнице сошел? Не отдам я тебе каменный клинок. В нем моя сила. Моя удача. Пока он был со мной, никакая тварь не могла ничего против меня сделать. А как спрятал я его в укромном месте, так и здесь оказался.

— Может быть, — кивнул Меченый. — Только удача удаче рознь. Сейчас твоя удача я. согласишься отдать клинок, я тебя достану отсюда. Не согласишься — сдохнешь. Скоро ведь кровью начнешь кашлять. Или уже?

Сарлата с трудом сглотнул, стиснул кулаки.

— А если не сдохну? Мне пять месяцев осталось. Протяну как-нибудь. Лето скоро. Потеплеет немного, выдержу.

— Потеплеет, — кивнул Меченый. — И выберешься ты под осень наверх плюющимся кровью скелетом. Говоришь, что не сомневаешься, когда убивать надо? Как думаешь, а не отыщется ли в твоей своре кто-нибудь такой же несомневающийся?

— Схоронюсь, — прошипел Сарлата. — Укроюсь. Приду в себя. Залечу болячки. Тогда и посмотрим. Пять месяцев осталось продержаться.

— Не продержишься, — громко, очень громко прошептал Меченый. — Убьют тебя.

— Кто? — не понял Сарлата.

— Кто-нибудь, — усмехнулся Меченый. — Я пока искал тебя, десятка три нашел молодцов здесь, у которых твоими подручными ограблены да убиты родные. И из этих трех десятков половина ночами видит сны, в которых режут тебя на части. Стоит назвать твое имя...

Тогда Сарлата стиснул челюсти так, что зуб у него раскрошился, но за заточку не схватился. Если бы не этот ка-

шель, да не слабость, что пронизывала все тело, точно бы проткнул Меченому печень. Было время, никого не было быстрее в песках, чем Сарлата. Ничего, главное выбраться наверх.

— Когда? — прошептал, сплевывая крошки зуба, Сарлата.

— В течение недели, — сказал Меченый. — Наверху есть кто-то опасный, ждет побега. Думаю, кто-то из твоих дружков нанял стражника, чтобы не дать тебе убежать. Или кто-то из старейшин прознал про тебя, но мстью делиться с другими не хочет. Но мы дождемся хорошей смены и уйдем.

— И как же? — поморщился Сарлата.

— Увидишь, — твердо сказал Меченый и ушел, чтобы возвращаться к Сарлате каждую ночь и прислушиваться к звукам подземелья.

И вот прошла неделя.

— Сегодня ночью, — сказал Меченый, но остался сидеть, словно лестницу ему должны были спустить прямо к ногам.

— Скоро? — прохрипел Сарлата.

— Через пару часов, — ответил Меченый. — Вот только доходяги, которые зерно собирают, расплзутся по норам, так и сразу. Да ты не волнуйся, нас двое ждут. Один мой человек, другой — твой. Это чтобы тебе спокойнее выбиралось.

— Кто мой? — спросил Сарлата.

— Помощник твой, Тарх. Знаешь такого? Хитрец, но верный хитрец. Ждать тебя согласился, а ни как выглядишь ты, ни какого роста, ничего не сказал. Или ты и перед ним заматывал лицо платком?

— А прочие? — снова закашлялся Сарлата.

Тарх его порадовал. Если и стоило кому-то доверять в его споре, то только Тарху. Остальные — как волки, только дай слабину, сразу же разорвут.

— Я им не сторож, — сухо бросил Меченый. — И Тарха твоего месяц разыскивал, да еще уговаривал с неделю. Вот, держи.

Он надорвал ворот рубахи, вытащил оттуда тонкую кожаную полоску.

— Что это? — не понял Сарлата, морщась от резкого сладковатого запаха.

ГЛОССАРИЙ

Агнис — именование клана Огня, место проживания которого город Ламен и его окрестности; имя духа (сиуна) клана.

Анда — священный город всей Салпы, расположенный в Запретной долине между хребтами Южной и Северной Челюсти.

Арува — знать Текана.

Асва — второе название клана Лошади, место проживания которого город Гиена и его окрестности.

Вольные земли — территория, ограниченная руслами рек Хапы и Блестянки, горными хребтами Южной Челюсти и Восточных Ребер, населена беглыми подданными иши, так называемыми вольными поселенцами.

Гиблые земли — местность, расположенная за хребтами Западных Ребер и Северной Челюсти.

Гима — крепость на перевале в горах Южной Челюсти, обиталище изгоев Текана.

Дикий лес — территория, ограниченная руслами рек Блестянки и Хапы, водами моря Ватар и горным хребтом Восточных Ребер.

Запретная долина — местность, расположенная в центре Салпы между хребтами Северной и Южной Челюсти.

Зачинный — здесь: вольный человек, не отнесенный ни к какому сословию.

Иша — единовластный правитель Текана.

Ишка — жена иши.

Ишхамай — загадка Текана, «птичка», «колокольчик».

Кессар — именование клана Руки, обитающего в окрестностях города Хурнай; имя сиуна клана.

Кикла — второе название клана Травы, место проживания которого город Кета и его окрестности; имя сиуна клана.

Кусатара — тати, жители горных склонов Южной Челюсти, их основные занятия — овцеводство, добыча полезных минералов.

Лами — тати, жители гор Восточных Ребер, обладающие узким и гибким телом, строящие дома в камне.

Лапани — люди, жители Холодных песков, занимающиеся кочевым скотоводством.

Лига — расстояние в тысячу шагов.

Ловчие иши — отборное войско, дружина.

Луззи — не-знать, чернь.

Малла — тати, исконные жители Вольных земель, строящие жильё под корнями больших деревьев или в дуплах.

Мейкки — тати, гигантские человекоподобные существа, обитающие в горах Северного Рога.

Мугаи — жители южных районов Гиблых земель, потомки беглых рабов и луззи; основные занятия — овцеводство, добыча полезных минералов.

Неку — именование клана Тьмы, обитавшего в городе Ак и его окрестностях; имя сиуна клана.

Некуманза — название народов, населяющих Дикий лес.

Пагуба — губительство, мор, утрата, чума, падеж, беда, бедствие, злосчастье и др.

Палхи — тати, исконные жители Гиблых земель, занимались ритуальным и бытовым людоедством.

Паркуи — именование клана Чистых, обитавшего в городе Хилане и его окрестностях; имя сиуна клана.

Парнс — крепость, обитель мудрецов на перевале в горах Северной Челюсти.

Патгар — второе название клана Крыла, обитавшего в городе Намеша и его окрестностях; имя сиуна клана.

Пустота — сила, которая властвует над Салпой и карает ее обитателей.

Пустотник — порождение Пустоты, некое существо, умеющее летать.

Сакува — именование клана Зрячих, обитавшего в городе Харкисе и его окрестностях; имя сиуна клана.

Салпа — название всего мира под солнцем.

Сиват — загадка Текана, «ночной бродяга», призрак.

Сиун — дух клана, загадочное существо, которое, по поверьям, приносит несчастье.

Сурна — именование клана Рога, обитавшего в городе Туварсе и его окрестностях; имя сиуна клана.

Тати — собирательное название разумных существ Салпы, не относящихся к людям.

Текан — обитаемые земли, край, которым правит иша.

Треба — 1) жертвоприношение, жертва (*старин.*); 2) богослужебный обряд, совершаемый по нужде одного или нескольких верующих.

Тулия — собрание уреев Текана.

Урай — правитель главного города области и глава клана.

Хара — именование клана Смерти, место проживания которого город Сакхар и его окрестности; имя сиуна клана.

Хилан — столица Текана (город клана Чистых — клана Паркуи).

Хисса — именование клана Солнца, место проживания которого город Зена и его окрестности; имя сиуна клана.

Эшар — именование клана Крови, обитавшего в городе Араи и его окрестностях; имя сиуна клана.

Юдоль — 1) долина, лог (*старин.*); 2) место, где страдают и мучаются.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Асана</i>	18
<i>Глава 2. Побег</i>	28
<i>Глава 3. Башня Тару</i>	44
<i>Глава 4. Перевал мейкков</i>	62
<i>Глава 5. Гиблые земли</i>	75
<i>Глава 6. Мертвая падь</i>	87
<i>Глава 7. Отряд</i>	103
<i>Глава 8. Арма</i>	118
<i>Глава 9. Приют странников</i>	134
<i>Глава 10. Оракул</i>	148
<i>Глава 11. Мертвые и живые</i>	171
<i>Глава 12. Небо и земля</i>	184
<i>Глава 13. Лошади ветра</i>	194
<i>Глава 14. Заложники</i>	205
<i>Глава 15. Бездна ветров</i>	215
<i>Глава 16. Огонь и вода</i>	224
<i>Глава 17. Пагуба</i>	236
<i>Глава 18. Вторая попытка</i>	248
<i>Глава 19. Заячий остров</i>	261
<i>Глава 20. Лес</i>	274
<i>Глава 21. Жар</i>	289
<i>Глава 22. Боль</i>	304
<i>Глава 23. Руины</i>	315
<i>Глава 24. Мрак</i>	333
<i>Глава 25. Пропась</i>	345
<i>Глава 26. Смерть</i>	358
<i>Глава 27. Подъем</i>	369
<i>Глава 28. Чуть больше</i>	378
<i>Глава 29. Анда</i>	389
<i>Глава 30. Храм</i>	399
<i>Эпилог</i>	403
<i>Глоссарий</i>	405